

Гу Чуньлай шмыгнул носом, прижавшись к Сяо Жофэю, и, зацепив его мизинец своим, сказал, что за эти два месяца произошло столько всего, и он обрёл столько друзей. Он увидел совершенно новый мир и даже не мог представить, что одна роль в фильме сможет его исцелить. Чжоу Сяоча — это каждый из нас, каждый смелый человек.

Закончив, он посмотрел в глаза Сяо Жофэя, полные нежности.

— Если бы не твоя настойчивость, если бы ты не создал этого персонажа, я бы никогда не дошёл до этого места. Жофэй, спасибо тебе.

— Я тоже благодарен тебе за то, что согласился сняться в этом фильме. Когда я был в тупике, ты спас меня.

С этими словами Сяо Жофэй протянул Гу Чуньлаю узкую коробку.

Дыхание Гу Чуньлая почти остановилось. Такая коробка появлялась в каждом театральном закулисье, в каждом его сне. Он крепко прикрыл рот, боясь вскрикнуть.

Немного успокоившись, Гу Чуньлай с надеждой посмотрел на Сяо Жофэй и спросил:

— Можешь... открыть её за меня?

— Ленивец, капризничаешь?

Несмотря на слова, красивые пальцы Сяо Жофэя взяли за ленту, аккуратно развязав бант, который рассыпался по столу, как вода. Увидев, что Гу Чуньлай не двигается, он улыбнулся ещё шире, взял коробку, открыл её и достал изнутри алую розу и открытку, которую протянул Гу Чуньлаю.

Гу Чуньлай крепко закусил губу, принял открытку, на которой была строка знакомого почерка. Автор этих строк молча наблюдал за каждым его спектаклем, сопровождая его в годы одиночества, от полного неведения и нищеты до уверенного стояния на сцене.

Этот человек был его самым преданным поклонником:

«Гу Чуньлай, поздравляю с успешным завершением съёмок».

На этот раз тот человек наконец подписался.

Сяо Жофэй.

Оказывается, в его жизни он никогда не уходил.

Гу Чуньлай помнил день, когда он встретил Сяо Жофэя. Тогда большое дерево, символизирующее столетие китайского кино, было толстым и высоким, его листва была густой, а небо покрылось лёгкой зелёной дымкой. Но весь свет, проходящий сквозь ветви, падал на него, световые пятна были круглыми и квадратными, одни напоминали облака, другие — лужи, отражающие радугу после ливня, а то, что упало на его спину, было похоже на крылья. Гу Чуньлай подумал, что этот человек, должно быть, очень счастлив, он притягивает солнце, и если подойти слишком близко, можно растаять, сгореть, так что лучше вообще не приближаться. В тот день было жарко, под деревом было много людей, продавцов ледяной воды и мороженого, но именно в тот момент, когда Гу Чуньлай посмотрел на него, Сяо Жофэй обернулся.

Этот человек был неугасимым маяком, утренней звездой, первым лучом солнца на краю долгой ночи, молнией, несущей тепло, которого так не хватало холодной ночи, ослепительной, поразившей его сердце.

— Спасибо, спасибо тебе за все эти годы поддержки и вдохновения, ты... ты мой первый поклонник, и все эти годы я хотел лично сказать тебе спасибо. Сегодня я наконец произнесу эти слова.

Гу Чуньлай, сжимая розу, глубоко поклонился Сяо Жофэю.

— Спасибо тебе.

После долгого пребывания в облаках Гу Чуньлай почувствовал, что его ноги наконец коснулись земли.

Гу Чуньлай поднял голову, в его глазах не было ни слезинки, и с улыбкой он протянул Сяо Жофэю открытку такого же размера и цвета. На открытке были слова благодарности, любви и следы размытых чернил.

Сяо Жофэй перевернул открытку и увидел на обратной стороне маленькую надпись, шесть английских букв:

frseje.

Его улыбка стала ещё шире:

— Ты разгадал этот код?

— Да, — с гордостью поднял подбородок Гу Чуньлай. — Это мой ответ тебе.

Сяо Жофэй сразу понял. Этот способ шифрования был точно таким же, как в «Обители сердца», только ключ был заменён на «guofei», а открытый текст гласил:

date .

— На самом деле, я сначала хотел использовать другое слово, но... у меня уже давно запланировано свидание перед этим действием, так что позволь мне хотя бы раз воспользоваться этим, хорошо?

Гу Чуньлай взял руку Сяо Жофэя и провёл по его ладони четыре буквы.

Не раздумывая, Сяо Жофэй сразу понял:

— Маленький развратник, как пожелаешь.

После скромного ужина в честь завершения съёмок Сяо Жофэй сдал номер Гу Чуньлая и отдал ключ от своей комнаты Чжан Ичэну, чтобы тот сегодня спал на большой кровати, а завтра уехал на роскошной машине Сяо Цаньсин.

Чжан Ичэн радостно прокричал минуту, а затем понял, что что-то не так.

— А вы двое?

— Уезжаем сегодня вечером, — спокойно ответил Сяо Жофэй.

Но Чжан Ичэн заметил, как он сжал губы, беспокойно посмотрел по сторонам и незаметно подошёл к Гу Чуньлаю, пока они не соприкоснулись, и одна рука скрылась за спиной, как будто они что-то замышляли.

В глазах Чжан Ичэна читалось недоумение:

— Сейчас уже половина одиннадцатого.

Ехать ночью и так опасно, а в этот час они доберутся до Цзинчэна только к полуночи.

Сяо Жофэй, словно читая его мысли, ответил:

— Ничего страшного, мы с учителем Гу сегодня остановимся на горе Цаннань.

Чжан Ичэн уже хотел спросить что-то, но заметил, как Гу Чуньлай смотрит на Сяо Жофэя как-то странно, а Сяо Жофэй смотрит на него тоже необычно, и поспешил добавить:

— Вам завтра нужно, чтобы мы вас встретили?

— Нет, будьте осторожны. Если что, свяжемся позже.

— Кстати, учитель Гу, подождите, — Чжан Ичэн быстро убежал и вскоре вернулся с коробкой в руках. — Вы всё время жаловались на боль в спине, я попросил знакомого достать вам массажёр. Там какие-то инфракрасные лучи, высокие частоты, эффект просто супер, мои родители им пользуются... Ой, нет, учитель Гу ведь не старик, вот я и брякнул...

Гу Чуньлай улыбнулся в ответ:

— Спасибо, что помнишь обо мне.

— Учитель Гу всё время подстраивался под моё расписание, мне неловко, — протянул массажёр Чжан Ичэн, смущённо почесав затылок. — Но учитель Гу действительно занят, каждый вечер, когда я вставал в туалет, видел, как у него горит экран телефона, он прячется под одеялом и пишет сообщения. Не перетруждайтесь.

Сяо Жофэй ответил:

— Не волнуйся, я не дам ему перетрудиться.

Чжан Ичэн кивнул, но почувствовал что-то неладное. Он спрашивал Гу Чуньлая, а Сяо Жофэй ответил так, как будто это само собой разумеется.

— Ладно, вы двое занимайтесь своими делами... — Чжан Ичэн, почувствовав странную атмосферу, решил уйти. — Вам нужна помощь с дорогой?

— Не беспокойся, — Гу Чуньлай посмотрел на Сяо Жофэя, а затем мягко взглянул на Чжан Ичэна. — Мы просто в храм Янчжун.

Гу Чуньлай хотел исполнить обет.

Два месяца назад они приходили сюда, чтобы помолиться за успех съёмочной группы.

Гу Чуньлай присоединился к группе позже, тогда он ещё не был близок с другими, поэтому ушёл один в главный зал. Тогда он загадал три желания: первое — чтобы съёмки «Сказания,

учения, шуток и пения» прошли успешно, второе — чтобы «Два города» имели высокие рейтинги. Теперь оба эти желания сбылись.

А третье желание он загадал для Сяо Жофэя — чтобы он прожил долгую и счастливую жизнь.

Но жизнь Сяо Жофэя ещё так длинна, и две палочки благовоний и одна лампа казались слишком поверхностными. Поэтому он снова пришёл сюда. На этот раз он трижды поклонился перед вечным огнём, снова загадал это желание и тихо пообещал Будде, что будет приходить каждый год, пока не умрёт, и надеялся, что Будда найдёт время позаботиться о его вечном огне.

Закончив поклоны и молитвы, Гу Чуньлай выпрямился и увидел, что Сяо Жофэй всё ещё стоит прямо, словно неприступная гора.

— Ты загадал желание? — спросил Гу Чуньлай.

Сяо Жофэй протянул ему руку, помог подняться и, глядя в глаза, сказал:

— Ты же знаешь, я не особо верю в Будду.

Гу Чуньлай нервно прикрыл рот Сяо Жофэя. Здесь были и Будда, и Майтрейя, и четыре небесных царя, и множество других божеств, которых он узнавал и не узнавал. Благовония горели так ярко, что даже если бы в них была хоть капля истины, он не посмел бы сомневаться. Он боялся, что такие слова Сяо Жофэя могут сократить его жизнь или навлечь беду.

Но Сяо Жофэй поцеловал его ладонь, провёл пальцем по шраму на своей руке и тихо произнёс:

— В жизни столько страданий и грехов, но если они случаются, не на что жаловаться, нужно просто смотреть вперёд, и всё наладится. Ты согласен?

Гу Чуньлай понимал, о чём говорит Сяо Жофэй, его взгляд упал на ладонь, и он кивнул.

— Если уж молиться, я бы молился только тебе. Желая тебе любить себя и любить меня.

— Разве я обладаю такой силой?

Сяо Жофэй мягко прервал его.

— Как говорится, в день рождения можно загадать три желания. Раньше я загадал только два.

<http://bllate.org/book/15563/1415791>